

тивности рода в конце XVIII – первой половине XIX в., ставшее эпизодическим.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барсуков А.П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. М., 2010. 687 с.
2. Бережков М.Н. К истории владимирских дворян Безобразовых // Труды Владимирской губернской ученой архивной комиссии. 1907. Вып. 9. Отд. 2. С. 1-5.
3. Веселаго Ф.Ф. Общий морской список. Ч. 2. СПб., 1885. 432 с.
4. История лейб-гвардии Конного полка 1731 – 1848 гг. Ч. 4. СПб., 1849. 542 с.
5. Наумов О.Н. Генеалогия: учебное пособие. Ч.1. М., 2007. 50 с.
6. Наумов О.Н., Хилков Б.М. История рода князей Хилковых. Екатеринбург, 2008. 287 с.
7. Панчулидзе С.А. Сборник биографий кавалергардов. Т. 4. СПб., 1908. 288 с.
8. Петров П.Н. История родов русского дворянства. Т. 2. М., 1991. 320 с.
9. Трегубов М.И. Алфавитный список дворянских родов Владимирской губернии. Владимир, 1905. 256 с.
10. Фролов Н.В. Владимирский родословец. Ковров, 1996. Вып. 1. 166 с.
11. Фролов Н.В. Предводители дворянства и председатели земской управы Ковровского уезда. Владимир, 1994. 112 с.

УДК 94 (470.323)

Горюшкина Н.Е.

Юго-Западный государственный университет (г. Курск)

**«ГДЕ КАБАЧОК, ТАМ И МУЖИЧОК»:
ПОСЛЕДСТВИЯ ВИННОЙ РЕФОРМЫ 1863 г. СКВОЗЬ
ПРИЗМУ НАРОДНЫХ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК**

N. Goryushkina

South-West State University, Kursk

**“WHERE TAVERN IS, THERE BUMPKIN IS”: AFTERMATH OF WINE REFORM
OF 1863 IN THE LIGHT OF POPULAR PROVERBS AND SAYINGS**

Аннотация. В статье анализируются обстоятельства, вызвавшие умножение питейных домов после винной реформы 1863 г. Основное внимание сосредоточено на месте кабака в жизни пореформенной деревни. Для отражения народного воззрения на питейный дом использованы пословицы и поговорки о кабаке. Исследованы затраты на алкоголь в крестьянских бюджетах. Показана высокая прибыльность кабачного промысла. Автор приходит к выводу, что рост числа кабаков, низкая цена на спиртное, произвол торговцев при отсутствии у народа культуры питья усугубили проблему пьянства в стране.

Ключевые слова: алкоголь, акцизная реформа, вино-торговля, кабак, крестьяне, пьянство, пословица, поговорка.

Abstract. The article analyses the circumstances causing the increase of the number of public houses after the wine reform of 1863. The author focuses on the role of tavern in the life of post-reform countryside. People's views on public house are represented in popular proverbs and sayings about tavern. The article investigates alcohol expenditures in peasant's budgets and shows high profitability of tavern business. The author draws the conclusion that increase of the number of taverns, low price of spirits, illegal activity of traders and lack of drinking culture aggravated the problem of heavy drinking in the country.

Key words: alcohol, excise reform, wine trade, tavern, peasants, heavy drinking, proverb, saying.

Когда появилась поговорка, поставленная в заглавие статьи, неизвестно, но появилась она не случайно. Взаимное «притяжение» кабака и русского крестьянина устанавливалось веками, а после винной реформы 1863 г. эти «отношения» сделались исключительно близкими.

Оценивая результаты питейной либерализации, историки, как правило, прибегают к традиционным источникам получения информации и обходят вниманием многочисленные народные изречения и выражения, выступающие емким хранилищем житейского и социально-исторического опыта народа.

Автор статьи поставил перед собой цель – раскрыть социальные последствия свободного оборота алкоголя, акцентируя внимание на месте питейного дома в жизни пореформенной деревни. К освещению проблемы были привлечены поговорки и поговорки о кабаке, зафиксированные в сборниках и функционировавшие в периодической печати второй половины XIX в.

Начало винной либерализации открыло «Положение о питейном сборе», вступившее в силу 1 января 1863 г. Торговля алкоголем была объявлена предметом вольного промысла. Распределение пунктов и видов питейной продажи обуславливалось исключительно потребностью населения и теми выгодами, которые могли получить вино-торговцы [8, 67-68]. Доступность алкоголя должна была, по мнению идеологов реформы, уничтожить в народе сформированную откупными привычку напиваться и «развить надобность пить исключительно в гигиенических целях»¹.

При таких условиях в 1863/1864 гг. открылось 265,4 тыс. заведений, реализующих алкоголь (одно заведение приходилось на 254 жителя), против 78 тыс. в 1859 г. К выносной торговле приступили штофные, фруктовые и мелочные лавки, погреба русских виноградных вин и ренсковые погреба; распивочно торговали трактирные заведения, буфеты, станционные дома; распивочно и на вынос – шинки, корчмы, постоянные дворы, временные выставки и – главное – ренсковые погреба, если их владельцы выкупили право на распивочную торговлю, и питейные дома (кабаки). В 1866/1867 гг. число мест продажи питей увеличилось до 411,1 тыс. (одно заведение – на 95 жителей) [9, 89].

При видовом многообразии мест продажи спиртного не менее 80 % в общем числе стало

за кабаками – заведениями, предоставляющими возможность купить спиртное «в налив» и распить его на месте².

«Наступила горячая пора общего открытия кабаков, – вспоминал один из винозаводчиков, – заводские доверенные ездили, как угорелые, и искали хорошие места. И где только не находились эти места, и где только не открывались кабаки!.. Все селения, не только торговые, но и самые глухие, не проезжие, пестрели кабацкими вывесками, все большие дороги – тоже. Открывались кабаки в самых мизерных деревушках. Открывались на всяких дорожных перекрестках. Открывались на речных перевозах, на пристанях. Открывались на мельницах, на рушках, на маслобойнях. Открывались среди господских усадеб» [1, 3].

Причины умножения кабаков крылись в следующих обстоятельствах.

Во-первых, акцизное законодательство сняло все чинимые ранее препятствия (имущественные, сословные, национальные) в отношении лиц, открывающих питейные дома. Получалось, вести кабацкую торговлю мог всякий, имеющий на то желание.

Во-вторых, патентный сбор за содержание кабака представлял собой весьма незначительную сумму (15 – 50 руб. в зависимости от разряда местности), что влекло в кабацкое дело всякого, мало-мальски обеспеченного в средствах.

В-третьих, трудностей при подыскании помещения под кабак не возникало. «Питейный дом, – определялось в «Уставе», – может занимать только одну комнату, он должен помещаться на нижнем этаже и иметь непременно выход на улицу» [8, 70].

В-четвертых, кабак отпускал вино «мелочно» и дешево, в то время как трактиры, буфеты, постоянные дворы, станционные дома – с наценкой, а ренсковые погреба – крупными партиями (не менее четверти ведра). Соперничать с кабаком в какой-то степени могли фруктовые, мелочные и штофные лавки, торговавшие «дробно», но Законом 2 мая 1864 г. продажа алкоголя из фруктовых и мелочных лавок была запрещена, Законом 24 сентября 1865 г. устройство штофных лавок затруднено необходимостью получения «разрешительного приговора» от владельца арендуемой земли³.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 574. Оп. 1. Д. 269. Л. 149.

² Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 37. Оп. 1. Д. 97. Л. 25 об. – 26.

³ РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 269. Л. 149.

«Возвышение» кабака совпало по времени с процессом освобождения крестьян из крепостной зависимости. Ломка вековых устоев повлекла за собой коренной поворот в образе жизни, быте миллионов людей. Крестьяне, привыкшие к опеке помещика, обретя свободу, должны были решать свои проблемы самостоятельно. Многие не были к этому готовы. «Вместо крепостной кабалы, – писал Д.Н. Бородин, – явилась более страшная кабацкая кабала, которая не дала только что освобожденному рабу опомниться, <...> на расстоянии телеграфных столбов поставив шинки и кабаки» [2, 62].

«Кабак построили – горе да беда». Помещики, суровой опекой удерживающие крестьян от посещения кабаков, после реформы 1861 г. встали в ряды распространителей спиртного и с удовлетворением сдавали принадлежащую им землю под питейные дома. Новые институты контроля в лице волостных старшин, сельских старост и городских управ, наделенные полномочием наказывать «злообычных» в пьянстве, предоставленными правами не пользовались. Ни они, ни церковнослужители зачастую сами не были свободны от порока («Ходи в кабак, вино пей, нищих бей, будешь архиерей!»).

При минимальном развитии школ, больниц и прочих общественных мест кабак стал не просто лавкой, торгующей вином, он стал клубом, банком, судом, биржей. Здесь – встречались с друзьями («Где кабак, там и мой дружок!», «В кабаке тьма-тьмущая народа пьющего», «Озорника ищи в тюрьме, а пьяницу в кабаке»), ссорились и мирились («Где хотите, там и бранитесь, а на кабаке помиритесь!»), узнавали новости («В кабаке побывать, людей повидать»), заключали и «обмывали» торговые сделки («Шумно и пьяно – кабак без изъяна»). Здесь – устранялись социальные преграды («В кабаке да в бане – все дворяне»), снималось напряжение («Кабак – пропасть, туда б попасть»), забывались тяготы «вольной» жизни: бедность, малоземелье, непосильные налоги («На хлеб да на подати не станет, а на кабак да на табак станет»).

«Запьем, так и избу запрем, а что в избе, в кабаке снесем». Кабатчики, весьма заинтересованные в привлечении к себе как можно большего числа покупателей, к вопросам нравственности относились равнодушно и прибегали к всевозможным способам «заманивания» в лавку. «Всякому кабатчику хорошо, потому что всякий со своим искусством и подходом: один очень ласков и больно

знаком, у другого очень весело – продает он вино при музыке. Набираются к нему завсегдатаи: пропившиеся люди, бессовестные, плутоватые. Они тренькают на балалайках, бойки на язык, шутилки и кажутся очень веселыми. Третий кабатчик, при недостатке денег наличных и „за рукавицы“ вино дает, и из платышка берет под заклад всякое, какое подойдет ему на руку», – так изображал кабатный промысел С.В. Максимов [4, 14].

Личный интерес содержателей питейных заведений был достаточно сильным для того, чтобы изыскивать, хотя бы и с риском, разные способы не выполнять ограничительные требования «Устава о питейном сборе», заключающиеся в запрете торговать в долг, под заклад вещей, за отработки. «Рабочие орудия, скот, одежда, личный труд, будущий урожай – всё потянулось к кабаку и словно пропадало в утробе кабатчика <...> И изба, и клеть, и соха, и всякий гвоздь в избе – всё на виду у мироеда, всё принимается им в расчёт. Даже семейное положение: у кого сын на фабрике, у кого дочь в казачках; в крайнем случае, и они отработать долг смогут», – писал М.Ф. Салтыков-Щедрин [7, 150-151].

Народное выражение: «Кабак лучше метлы дом подметает» подтверждает исследование крестьянских бюджетов. Так, среднегодовой расход крестьянина в черноземной губернии на все без исключения нужды составлял 55,54 руб. На питание уходило примерно 17,94 руб., или 32,3 %. На вино расходовалось в среднем 4,18 руб., 23,3% от расходов на питание и 7,5 % от всего крестьянского бюджета («Богу – пятак, в кабак – четвертак»). Оказывалось, что много пили крестьяне, имевшие высокие наделы, и безземельные. Средняки в большинстве своем пили умеренно, считая водку помехой для хозяйства. Деревенская беднота тратила на спиртное 62,8% денег на питание и добывала водку, выполняя самую тяжелую и грязную работу у своих более зажиточных соседей [10, 27, 43, 67, 83].

«Кабак деньгами, как бездонную кадку, не наполнишь» – замечали в народе. Расчет прибыли кабатчика доказывал верность народного изречения. К примеру, в 1881 г. (статистика этого года полная и точная) производство 1 ведра 40% вина обходилось заводчику в 0,8 – 1 руб. Стоимость очистки составляла 0,2 руб. Уплатив с данного объема акциз в 3,2 руб., производитель выпускал вино из заводского подвала по цене 4,5– 4,65 руб. и получал прибыль в 25 коп. с ведра. Препровождавшие вино в розничную сеть оптови-

ки продавали его на 10 коп. дороже. Кабатчики торговали мелкими мерами по 5,5 руб. за ведро в тех местностях, где конкурентов было много, и по 6 – 7 руб. в отдаленных селениях. Барыш владельца кабака с ведра составлял 1,5 – 2,5 руб. Из реализованных в 1881 г. 1,68 млн ведер безводного спирта 1,12 млн продавалось питейными заведениями низшего разряда (кабаками и шинками), значит, большая часть прибыли оседала в карманах их владельцев. Кроме того, кабатчики, понижая крепость напитка с 40 % до 37 % (известны случаи, когда продавалось вино в 30 %), имели возможность продать 2,8 млн ведер алкоголя, большая часть которых была неучтенными, а, следовательно, не обложенными акцизом¹.

Потребители в таком случае платили за «воду» («Кабак не беда, была б водка не вода», «Вино с водой хуже воды с вином»). Для придания остроты, вкуса и запаха разбавленную водку сдабривали табаком, перцем, беленой, бузиной, полынью, керосином, купоросом и даже мышиным пометом. Народ в том опасности не видел («Если пить, так водку с перцем, а любить, так всем сердцем») и давал кабацкой «отраве» приметные названия: «сильвупле», «царская мадера», «чем тебя я огорчила», «пользительная дурь», «продажный разум», «сиротские слезы», «крякун», «подвздошная», «горемычная», «прилипли язык», «чистоты не спрашивай, а был бы пьян», «рот дерет, а хмель не берет». В понимании русского крестьянина водка и не должна была быть приятной на вкус, ведь питье считалось делом греховным («Вина напиться – бесу предаться», «В пьяном бес волен»), а за грехи следовало страдать. Потому и пил мужик горькую, как муки адские принимал («Горько пить вино, а обнесут мимо), горчее с того»), уважал того, кто «пьет вино как суслицу» и кто «пьян бывает, а ума не пропивает».

Законодатель запретил иметь в питейном доме иную закуску, кроме хлеба («Этого гостя кормить в харчевне, поить в кабаке», «Пил бы еще, да в животе тощо»). Но бывало, что в кабаках подавались вызывающие у посетителей жажду закуски: соленые огурцы, квашеная капуста, тарань («Пей горчее, ешь солонее: умрешь, не сгниешь»). Хозяин заведения точно знал, что после такой пищи большой спрос на вино растет.

«Кабак на горе – горе во дворе». Накануне винной реформы населением потреблялось пример-

но 20,2 млн ведер безводного спирта, что в пересчете на душу давало 0,33 ведра (существовавшие при откупках злоупотребления повышали указанную цифру до 0,36 ведра безводного спирта). С 1863 г. по 1873 г. среднегодовой объем потребленного алкоголя превысил 25,8 млн ведер безводного спирта, среднедушевой уровень – 0,37 ведра. Злоупотребления по питейной части повышали показатель распитого вина до 0,41 ведра безводного спирта (0,9 ведра полугара) на душу населения. Налицо – рост объема выпитого. Если же учесть, что основными потребителями алкоголя являлись мужчины от 16 лет и старше, то среднедушевой уровень приближался к 2,64 ведра. При пересчете на литры годичная норма потребителя составляла 32,2 л, дневная – 0,9 л (90 г)².

Для суждения о размерах пьянства необходимо учитывать не столько объем, сколько способ потребления алкоголя. Понятно, что питейные обычаи, формировавшиеся в течение столетий, глубоко внедрились в быт населения и не изменились с объявлением свободной продажи. Сдерживаясь в рабочие дни, крестьянин, дождавшись воскресенья или праздника, выпивал недельную «порцию» целиком, то есть 25-30 раз в год выпивалось количество (1,3 л), во многих случаях достаточное, чтобы убить человека. В этой связи высказался земский врач В.И. Никольский: «Мужик так же редко видит водку, как и мясо, и так же набрасывается на нее со всей жадностью. Обыкновенный мужик пьет водку, может быть десять дней в году, но зато уже пьет вволю, до пьяна, пропивает такие деньги, на которые он мог бы быть сыт продолжительное время» [5, 38].

Праздник в народном сознании был неразделим с выпивкой. С особым размахом отмечались двенадцатые праздники, особенно Рождество, Пасха, Троица, а также Покров, Никола Зимний, Масленица и некоторые другие дни. Значимым праздником в деревне считался престол в честь святого или церковного дня, во имя которого была освящена приходская церковь. Праздник прерывал однообразную череду сельских будней, потому его ждали («Кто праздник чует, тот в кабаке ночует»), к нему готовились («Без блинов не Масленица, а без вина не праздник», «Мы к обеду – уж отпели; мы к обеду – уж отгели; мы в кабак – как раз так»). Нетрезвый в праздничный день никем не осуждался («В том спасенье, что пьян в воскресенье»). Сельское общество

¹ Подсчитано по: ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 208. Л. 78; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2669. Л. 85 об.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2669. Л. 85 об.

порицало запойных пьяниц («В кабаке подносят, и домой милости просят», «Кабак – яма, стой прямо!» «Гулящие дни случатся, так чем на улице валяться – лучше в кабаке проспаться»), пропивающих семейное имущество («В кабак пойдешь – суму найдешь», «Лучше знаться с дураком, чем с кабаком») или преступивших закон ради выпивки («Шкалики да косушечки доведут до клетушечки», «От кабака до тюрьмы – прямая дорожка»). Признавая за каждым право пить или не пить («Кабак на охотника: кто хочет, завернет, кто не хочет, пусть мимо идет»), крестьяне к лицам, не бывавшим в кабаках, относились с подозрением («Смерть – неминуемое дело, а к кабаку необходимый путь» «Кабак в компанию принимает, а непьющего никто не знает»).

Пореформенный период отметился небывалым ранее пьянством среди женщин («Бредет Татьяна недобре пьяна») и даже детей («В кабаке родился, в вине крестился»). «Матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и в кабак снесли; а в кабаке приняли!» – возмущенно пишет Ф.М. Достоевский [3, 94]. Религиозные чувства в крестьянской среде ослабли. Это, в первую очередь, касалось сельской молодежи, которая все реже посещала церковь и воспринимала поход в кабак как демонстративный вызов традициям и нравам старшего поколения. Доказательством тому служат изречения следующего рода: «Велико дело – церковь сгорела, кабаки горят – и то ничего не говорят», «В кабак далеко, да ходить легко. – В церковь близко, да ходить склизко», «Пойдем в церковь! – „Вишь, грязно“. – „Ну, так в кабак?“»

Закон 14 мая 1885 г. уничтожил «вредные» кабаки. Распивочная торговля дозволялась теперь только из заведений трактирного типа, где посетители кроме водки могли получить еще горячие блюда и чай. Но финансовому ведомству не удалось ограничить масштабы пьянства. Несмотря на то, что официальные данные фиксировали сокращение объемов потребления в 1886 – 1890 гг. с 64,1 млн до 62,7 млн ведер и душевого потреб-

ления спиртных напитков – с 0,58 до 0,53 ведра, пить на селе меньше не стали, возникло множество тайных кабаков. Среднегодовая цифра только выявленных случаев беспатентной торговли за 1887 – 1894 гг. достигла 15854 [6, 71].

В этих условиях высшая администрация приняла решение о передаче питейной торговли в государственное управление, признав крайнюю неудовлетворенность социальными результатами винной реформы 1863 г.

Три десятилетия свободного оборота алкоголя показали, что доступность питейных заведений не сделала потребление алкоголя регулярным, но умеренным. Напротив, множественность питейных домов, низкая цена на спиртное, произвол кабатчиков при отсутствии у народа культуры питья, выражающейся в устойчивых стереотипах (пить вино без закуски, пить много и сразу, пить в горе и радости), только обострили алкогольную ситуацию в стране.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Безгин П.В. На службе злему делу: (Хроника из жизни на винокур. з-дах). М., 1900. 156 с.
2. Бородин Д.Н. Кабак и его прошлое. СПб., 1910. 100 с.
3. Достоевский Ф.И. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 21. Л., 1980. 551 с.
4. Максимов С.В. Куль хлеба и его похождения. Л., 1987. 654 с.
5. Никольский В.И. Тамбовский уезд. Статистика населения и болезненности. Тамбов, 1885. 384, 48 с.
6. Отчет Департамента неокладных сборов за 1994 год. СПб., 1896. 229, 77 с. Приложение. 311, 233 с.
7. Салтыков-Щедрин М.Ф. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 9. М., 1988. 558 с.
8. Устав о питейном сборе. СПб., 1863. 81 с.
9. Фридман М.И. Винная монополия в России. М., 2005. 560 с.
10. Щербина Ф.А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. 730 с.